

Испанская
поэзия
в русских
переводах

С 1792-1976

Составитель, автор предисловия
и комментария С. Ф. ГОНЧАРЕНКО

Оформление В. В. ЕРЕМИНА

Редакторы Т. Н. ШИШКИНА и Н. Т. БЕЛЯЕВА

В антологии представлены лучшие образцы испанской лирики и стихотворного эпоса, начиная с периода Реконквисты и до повтов первой половины нашего века. Тексты стихотворных переводов выполнены известными русскими и советскими поэтами-переводчиками, они воспроизводят картину эволюции испанистики в России и СССР на протяжении двух последних столетий. В сопроводительных статьях к сборнику рассматриваются традиции русско-испанских литературных связей, особенности испанской поэтической школы. Антологию завершают справки об авторах и комментарий к тексту.

Издание предназначено для студентов и преподавателей гуманитарных вузов, а также для широкого круга любителей русской и испанской поэзии.

Poesías españolas en versiones rusas
1792—1976

© Состав, предисловие, комментарий
издательство «Прогресс», 1978.

60602—467
И _____ 813—77
014(01)—78

Corrida Real

(plaza)

Corro de arena: noria
 de sangre horizontal y concurrencia
 de anillos: sí: ¡victoria!
 de la circunferencia.
 Palcos, marzos lluviosos de mantones
 nutridos de belleza deseada.
 Cometividad de los tendidos:
 por las curvas, si no por los silbidos,
 humanos culebrones
 ordenan su inquietud de grada en grada.
 Sol y sombra en el ojo y el asiento:
 avispas de momento.
 A los toriles, toros,
 al torero le exigen el portento
 y caballos de más al as deoros.

(toro y torero)

Profesando bravura, sale y pisa —
 graciosidad su planta:
 la luz por indumento, por sonrisa
 la beldad fulminante que abrillanta.
 Sol, se ciega al mirarlo.

Galote

de su ciencia, su mano y su capote,

Большая коррида

Арена

Песчаный круг: поверх него
 горизонтальной мельницы вращенье.
 стремительное кровообращенье.
 кружащейся спирали торжество.
 А в ложах шали, словно ливни марта,
 струятся по чарующим телам.
 На нижнем ярусе бедлам:
 как змеи, содрогаясь от азарта,
 свистят ступени,
 вращаются в змеином нетерпенье,
 игра теней и света вдоль рядов,
 пчелиный улей к зрелищу готов,
 все ждут быков, томящихся в загоне,
 хотят, чтобы тореро был бедов
 и чтобы козырными были кони!

Тореро и бык

В его шагах — отвага и дерзание,
 движенья грациозны и точны.
 Одежда — свет. Улыбка — полыханье
 спящей белизны.

При взгляде на него и солнце меркнет.
 За этим блеском бык мерцает — смертний

fluye el toro detrás de sus marfiles.
Concurren situaciones bellas miles
en un solo minuto
de valor, que induciendo está a peones
a la temeridad como tributo
de sus intervenciones.

Se arrodilla, implorante valentía,
y como el caracol, el cuerno toca
a éste, que a su existencia lo hundiría
como en su acordeón los caracoles.
La sorda guerra su actitud provoca
de la fotografía.
Puede ser sonreír, en este instante
crítico, un devaneo;
un trágico desplante
—¡ay temeraria luz, no te atortoles!—
hacer demostraciones de un deseo.

Heroicidad ya tanta,
música necesita;
y la pide la múltiple garganta,
y el juzgador balcón la facilita.
Muertes intenta el toro, el asta intenta
recoger lo que sobra de valiente
al macho en abundancia.
Ya casi experimenta
heridas el lugar sobresaliente
de aquel sobresaliente de arrogancia.

и раб его плаща, искусных рук.
Бластательных событий круг
проходит за единое мгновение
бесстрашья, повергающего в страх
квадрилью на арене,—
цена ее участия в боях.

В порыве дерзостном встав на колени,
он тронул святой раковиной рог,
которым бык рассек бы в упоенье
его расшитый бок.
Мгновенность фотоснимка в повороте
враждебных тел.
И может быть, вы риск за вздор сочтете.
Но есть ли труд опасней,
чем этот смертью меченый удел
(о робкое сильье, не погасни!) —
исполнить то, что сердцем захотел?

Поистине, подобное искусство
достойно музыки — народ
ее истребовал тысячуто,
и знак балкона судейский подает.
Бык жаждет крови: злобная отвата
стекает в наклоненный рог
упрямого самца...
Уже он шеей чувствует, как шпага
отыскивает нежный буторок
за грозными рогами гордеца.

Ya va a hacerlo divino.
Ya en el tambor de arena el drama bate...
Mas no: que por ser fiel a su destino,
el toro está queriendo que él lo mate.

Enterrador de acero,
sepulta en gran el arma de su gloria,
tan de una vez certero,
que el toro, sin dudar en su agonía,
le da para señal de su victoria
el miembro que aventó moscas un día,
mientras su muerte arrastran cascabeles.
—¡Se ha realizado! el sol que prometía
el pintor, si la empresa, en los carteles,

Он божество.
Но драма в барабан арены бьет!
И, верный бычьей участи, он ждет,
когда убьют его.

Тореро в пурпур погружает
отточенную сталь. Удар!
Клинок неотразимо жалит.
И бык, поняв, что к жизни нет возврата,
свой хвост смиренно отдал в дар.
Бык мертв, и колокольчики куда-то
уже ведут с арены алый след.

Свершилось все, что обещал с плаката
художник:
этот свет — был солнца свет!

(1968)

П. Грушко

Mis ojos, sin tus ojos, no son ojos,
que son dos hormigueros solitarios,
y son mis manos sin las tuyas varios
intratables espinos a manojos.

No me encuentro los labios sin tus rojos,
que me llenan de dulces campanarios,
sin ti mis pensamientos son calvarios
criando cardos y agostando hinojos.

No sé qué es de mi oreja sin tu acento,
ni hacia qué polo yerro sin tu estrella,
y mi voz sin tu trato se afemina.

Los olores persigo de tu viento
y la olvidada imagen de tu huella,
que en ti principia amor, y en mí termina.

Глаза мои без глаз твоих пустынные:
они — два муравейника разлитых,
а руки-ветви без твоих, крылатых,
мертвы, как две сухие хворостины.

Пригубив робко губ твоих рубины,
я благоведу в сладостных набатах,
а нет тебя — в желаньях распятых
я терн ращу там, где росли жасмины.

Я глаохну, если ты хранишь молчанье,
и путь мой без твоей звезды не сладок,
я без тебя безмолвен, как мертвец.

Повсюду я ловлю твое дыхание,
твоих следов забытый отпечаток —
в тебе его начало и конец.

(1961)

П. Грушко

Yo sé que ver y oír a un triste enfada,
cuando se viene y va de la alegría
como un mar meridiano a una bahía,
a una región esquiva y desolada.

Lo que he sufrido y nada todo es nada
para lo que me queda todavía
que sufrir, el rigor de esta agonía
de andar de este cuchillo a aquella espada.

Me callaré, me apartaré si puedo
con mi constante pena instante, plena,
adonde ni has de oírme ni he de verte.

Me voy, me voy, me voy, pero me quedo,
pero me voy, desierto y sin arena:
adiós, amor, adiós hasta la muerte.

И слух, и зрение — муза для печали,
что ищет забытья, а не просвета,
отливом в полдень с отмели прогретой
спеша в глухие, сумрачные дали.

Но все, чем год за годом ни пытали, —
ничто перед последней пыткой этой:
тесниной между шагатай и мулетай
шагать, чтобы обвиснуть на княжке.

Сейчас затихну я, еще минута;
уйду, чтоб и не виделась отныне,
а мне — дозваться не хватило силы.

Иду, иду, но все теснее пути,
но я иду, стою, тону в пустыне.
Прощай, любовь. Прощай же. До могилы.

1975

Б. Дубин

Un carnívoro cuchillo
de ala dulce y homicida
sostiene un vuelo y un brillo
alrededor de mi vida.

Rayo de metal crispado
fulgentemente caído,
picotea mi costado
y hace en él un triste nido.

Mi sien, florido balcón
de mis edades tempranas,
negra está, y mi corazón,
y mi corazón con canas.

Tal es la mala virtud
del rayo que me rodea,
que voy a mi juventud
como la luna a la aldea.

Recojo con las pestañas
sal del alma y sal del ojo
y flores de telarañas
de mis tristezas recojo.

¿A dónde iré que no vaya
mi perdición a buscar?

Наваха, зарница смерти,
как птица, нежна и зла,
кружит надо мною чертит
косой полосой крыла.

Ночной метеор безлюдья,
вершит она свой полет
и где-то под левой грудью
угрюмые гнезда вьет.

Зрачки мои — окна в поле,
где бродит забытый смех;
висок мой чернее смолы,
а сердце — как белый снег.

И я в ворота июня,
гонимый крыльями зла,
вхожу, как серп новолуныя
во тьму глухого села.

Печалей цвет паутиновый,
ресницы слез солоней
и край дороги пустынной —
и нож, как птица, над ней.

Куда от него забиться,
стучать у каких дверей?..

Un carnívoro cuchillo
de ala dulce y homicida
sostiene un vuelo y un brillo
alrededor de mi vida.

Rayo de metal crispado
fulgentemente caído,
picotea mi costado
y hace en él un triste nido.

Mi sien, florido balcón
de mis edades tempranas,
negra está, y mi corazón,
y mi corazón con canas.

Tal es la mala virtud
del rayo que me rodea,
que voy a mi juventud
como la luna a la aldea.

Recojo con las pestañas
sal del alma y sal del ojo
y flores de telarañas
de mis tristezas recojo.

¿A dónde iré que no vaya
mi perdición a buscar?

Наваха, зарница смерти,
как птица, нежна и зла,
кружит надо мною чертит
косой полосой крыла.

Ночной метеор безлюдья,
вершит она свой полет
и где-то под левой грудью
угрюмые гнезда вьет.

Зрачки мои — окна в поле,
где бродит забытый смех;
висок мой чернее смолы,
а сердце — как белый снег.

И я в ворота июня,
гонимый крыльями зла,
вхожу, как серп новолуния
во тьму глухого села.

Печалей цвет паутиновый,
ресницы слез солоней
и край дороги пустынной —
и нож, как птица, над ней.

Куда от него забиться,
стучать у каких дверей?..

Tu destino es de la playa
y mi vocación del mar.

Descansar la esta labor
de huracán, amor o infierno
no es posible, y el dolor
me hará, a mi pesar eterno.

Pero al fin podré vencerte,
ave y rayo secular,
corazón, que de la muerte
nadie ha de hacerme dudar.

Sigue pues, sigue, cuchillo,
volando, hiriendo. Algún día
se pondrá el tiempo amarillo
sobre mi fotografía.

Судьба моя — морем биться
о берет судьбы твоей.

Любовью, бедой ли, шквалом
завещана эта связь?
Не знаю, но вал за валом
встает и встает, дробясь.

И только смерть не обманет,
царя над ложью земной.
Пусть яростней птица ранит —
последний удар за мной!

Лети же, над сердцем рея,
и падай! Придет черед —
и след мой желтое время
на старом снимке сотрет.

(1968)

А. Гелескул

CanCIÓN del esposo soldado

He poblado tu vientre de amor y sementera,
he prolongado el eco de sangre a que respondo
y espero sobre el surco como el arado espera:
he llegado hasta el fondo.

Morena de altas torres, alta luz y ojos altos,
esposa de mi piel, gran trago de mi vida,
tus pechos locos crecen hacia mí dando saltos
de cierva concebida.

Ya me parece que eres un cristal delicado,
temo que te me rompas al más leve tropiezo,
y a reforzar tus venas con mi piel de soldado
fuera como el cerezo.

Espejo de mi carne, sustento de mis alas,
te doy vida en la muerte que me dan y no tomo.
Mujer, mujer, te quiero cercado por las balas,
ansiado por el plomo.

Песня женатого солдата

Я чрево твое засеял зерном и любовью, подруга.
Всей кровью тебе отканикаюсь,
тобой мои вены полны,
над пашнею жду я всходов, жду ожидаемым паута,
дошедшего до глубины.

Хмельной глоток моей жизни,
жена моей плоти и воли,
смуглянка дозорных башен,
всевидящих глаз и огня,
твои безумные груди на ланей зачавших похожи —
они жаждали меня.

Мне кажется иногда,
что ты — бокал тонкостенный:
чтобы тебя не разбить, я боюсь шевельнуть рукой.
Своею кожей солдата я хочу облечь твои вены,
словно вишенку кожурой.

Зеркало моей плоти, крыльев моих опора,
я смерть потому и отвергнул,
что жизнь для тебя берегу.

Я так люблю тебя, милая,
здесь, среди пуля и пороха,
где гибель на каждом шагу.

Sobre los ataúdes feroces en acecho,
sobre los mismos muertos sin remedio y sin fosa
te quiero, y te quisiera besar con todo el pecho
hasta en el polvo, esposa.

Quando junto a los campos de combate te piensa
mi frente que no enfría ni aplaca tu figura,
te acercas hacia mí como una boca inmensa
de hambrienta dentadura.

Escribeme a la lucha, siénteme en la trinchera:
aquí con el fusil tu nombre invoco y fijo,
y defiende tu vientre de pobre que me espera,
y defiende tu hijo.

Nacerá nuestro hijo con el puño cerrado,
envuelto en un clamor de victoria y guitarras,
y dejaré a tu puerta mi vida de soldado
sin colmillos ni garras.

Es preciso matar para seguir viviendo.
Un día iré a la sombra de tu pelo lejano,

Здесь, над гробами пустыми,
ждущими нас под обстрелом,
над растерзанными, для которых
и могила-то не нужна,
я люблю тебя и хотел бы поцеловать всем телом,
даже в прах рассыпаясь, жена.

Когда я тебя вспоминаю
на страшном поле сражения,
твой образ не исчезает, не стирается, но — растет!
Я вижу: ты приближаешься,
и вся ты в эти мгновения —
огромный голодный рот.

Почувствуй меня в траншее,
пиши мне на поле брани,
Имя твое воскрешая, я пишу ружейным огнем,
чтоб защитить твое чрево, тоскующее в ожидании,
и сына — во чреве твоём.

Наш сын родится, и будет
в кулачок рука его сжата,
сына нашего спелензает гитар победный напев.
И жизнь моя постучится в твой дом рукою солдата,
забывшего боль и гнев.

Сейчас мы должны убивать,
чтоб жизнь восторжествовала,
но под сенью твоих волос я найду одежды покой.

y dormiré, en la sábana de almidón y de estruendo
cosida por tu mano.

Tus piernas implacables al parto van derechas,
y tu implacable boca de labios indomables,
y ante mi soledad de explosiones y brechas
recorres un camino de besos implacables.

Para el hijo será la paz que estoy forjando.
Y al fin en un océano de irremediables huesos
tu corazón y el mío naufragarán, quedando
una mujer y un hombre gastados por los besos.

на простынях засыпая,
похрустывающих от крахмала,
шитых твоей рукой.

В тяжком движении к родам
шаги твои непреклонны,
и уста твои непокорные
непреклонны на этом пути.
Сюда, в мое одиночество,
где взрывы, атаки и стоны,
свой поцелуй — я знаю — ты хотела бы донести.

Для нашего сына добуду я мир на поле сраженья.
И пусть по закону жизни однажды накатит час,
когда в неизбежной пучине
потерпят кораблекрушение
два сердца — мужчина и женщина,
обессилевшие от ласк.

(1962)

П. Грушко

Negros ojos negros

El mundo se abría
sobre tus pestañas
de negras distancias.

Dorada mirada.

El mundo se cierra
sobre tus pestañas
lluviosas y negras.

Чернота в зеницах.
Рассветала зра
на твоих ресницах
черного размера.

О, награда взгляда.
Зра гаснет, гаснет
на твоих ресницах,
черных и неистинных.

(1968)

Ю. Мороз

Tierra, la despedida
siempre es una agonía.

Ayer nos despedimos,
ayer agonizamos.

Tierra, en medio morimos.

Por eso las estaciones
saben la muerte y los puertos.

Por eso cuando partimos
se deshojan los pañuelos.

Cadáveres vivos somos
en el horizonte lejos.

Агония прощаний,
кладбищенские рвы.

Вчера с тобой прощались,
вчера еще кончались.

Сегодня мы мертвы.

Как поезд похоронный
причалы и перроны.

Рука платок уронит —
и ты уже вдали.

Живыми нас хоронят
на двух концах земли.

(1968)

А. Гелескул

La guerra

La vejez de los pueblos.
El corazón sin dueño.
El amor sin objeto.
La hierba, el polvo, el cuervo.
¿Y la juventud?

En el ataúd.

El árbol solo y seco.
La mujer como un leno
de viudez sobre el lecho.
El odio sin remedio.
¿Y la juventud?

En el ataúd.

Война

В селе неслюдимо,
и поле не орано,
любовь без любимых,
пыль, трава и вороны.
А молодость где?

Погибла в беде.

Леса облетели.
Недвижной колодой
вдова на постели.
И злоба холодная.
А молодость где?

Погибла в беде.

(1962)

Д. Самойлов

Canción última

Pintada, no vacía:
pintada está mi casa
del color de las grandes
pasiones y desgracias.

Regresará del llanto
adonde fue llevada
con su desierta mesa,
con su ruinosa cama.

Florecerán los besos
sobre las almohadas.
Y en torno de los cuerpos
elevantá la sábana
su intensa enredadera
nocturna, perfumada.

El odio se amortigua
detrás de la ventana.

Será la garra suave,

Dejadme la esperanza.

Нет, он не пуст — окрашен
мой дом, мое создание,
окрашен цветом горьких
несчастий и страданий.
Он вырвется из плача,
в котором встал когда-то
с пустым столом без крошки,
с разбитою кроватью.
В подушках поцелуй
распустятся цветами,
и простыня сохнет
над нашими телами
густой ночной ланой
с пахучими вьюнками.
И ненависти бурю
мое окно удержит.
И лапа разожмет.
Оставьте мне надежду.

(1966)

О. Саав

18 de julio 1936—18 de julio 1938

Es sangre, no granizo, lo que azota mis sienes.
Son dos años de sangre: son dos inundaciones.
Sangre de acción solar, devoradora vienes,
hasta dejar sin nadie y ahogados los balcones.

Sangre que es el mejor de los mejores bienes.
Sangre que atesoraba para el amor sus dones.
Vedla enturbiando mares, sobrecogiendo trenes,
desalentando toros donde alentó leones.

El tiempo es sangre. El tiempo circula por mis venas.
Y ante el reloj y el alba me siento más que herido,
y oigo un chocar de sangres de todos los tamaños.

Sangre donde se puede bañar la muerte apenas:
fulgor emocionante que no ha palidecido,
porque lo recogieron mis ojos de mil años.

18 июля 1936—18 июля 1938

Не град, а кровь моя виски стегает.
Два года крови, как два наводнения.
Той кровью злое солнце истекает,
и пуст балконы, и вьются строения.

Тех благ, что кровь, никто не достигает.
Кровь для любви копилась озаренья,
а мутит море, поезд настигает,
страшит быков, где львам вбуцала рвенье.

И время—кровь. Оно ворвалось в вены.
Часы, заря и ранки и карают,
гремят все виды крови, как гроза.

Ту кровь и смерть не сделает забвенной:
не меркнет страстный блеск—его вбирают
мой тысячелетние глаза.

(1966)

О. Сапач

Vientos del pueblo me llevan

Vientos del pueblo me llevan,
vientos del pueblo me arrastran,
me esparcen el corazón
y me aventan la garganta.

Los bueyes doblan la frente,
impotentemente mansa,
delante de los castigos;
los leones la levantan
y al mismo tiempo castigan
con su clamorosa zarpa.

No soy de un pueblo de bueyes,
que soy de un pueblo que embargan
yacimientos de leones,
desfiladeros de águilas
y cordilleras de toros
con el orgullo en el asta.
Nunca medraron los bueyes
en los páramos de España.

¿Quién habló de echar un yugo
sobre el cuello de esta raza?
¿Quién ha puesto al huracán
jamás ni yugos ni trabas,
ni quién al rayo detuvo
prisionero en una jaula?

Ветер народа

Ветром народа сорван,
ветром народа извещи,
голос мой каждым звуком
с ветром народа сверещи.

Плеть до земли склоняет
темные абы воловы,
но головы не клонит
лев в белозубом реве.

Народ мой — не вол в упряжке,
народ мой иной породы:
при каждом ударе множась,
встают из глубин народа
лавины отваги львиной,
теснины орлиных клычей
и в гордых рогах утесов
гранитные гряды бычьей.
Волы никогда не жили
на нашей земле суровой.

Так кто же на это племя
накинет ярем воловий!
Так кто же стреножит бурю,
и вал заарканит пенный,
и молнию в тесной клетке
удержит ораицей пленной!

Asturianos de braveza,
 vascos de piedra blindada,
 valencianos de alegría
 y castellanos de alma,
 labrados como la tierra
 y airosos como las alas;
 andaluces de relámpagos,
 nacidos entre guitarras
 y forjados en los yunques
 torrenciales de las lágrimas;
 extremeños de centeno,
 gallegos de lluvia y calma,
 catalanes de firmeza,
 aragoneses de casta,
 murcianos de dinamita
 frutalmente propagada,
 leoneses, navarros, dueños
 del hambre, el sudor y el hacha,
 reyes de la minería,
 señores de la labranza,
 hombres que entre las raíces,
 como raíces gallardas,
 vais de la vida a la muerte,
 vais de la nada a la nada:
 yugos os quieren poner
 gentes de la hierba mala,
 yugos que habéis de dejar
 rotos sobre sus espaldas.
 Crepúsculo de los bueyes

Отважные астурийцы
 и вы, сыновья Кастильи,
 отточенные, как лемех,
 и трепетные, как крылья;
 кипучие андалузцы,
 чью бронзу из слез отавало
 расплесканного рыданья
 клокочущее горнило;
 бесстрашные арагонцы,
 изваянные веками;
 туманные галисийцы
 и баски — кованый камень;
 ржаные эстремадурцы,
 мурсийцы — порох и солнце;
 неселье валенсийцы
 и твердые каталонцы;
 наваррцы, верные стражи
 нужды, топора и пота,
 монархи темных забоев,
 сеньоры черной работы;
 все, кто в земле пролагает,
 как корневища тугие,
 путь от рождения к смерти,
 путь от могилы к могиле.
 Ярмо вам сковали люди,
 в чьих венах — настоль цыкуты;
 скорее об их же спицы
 разбейте стальные пути!
 Волковы потемки тают.

está despuntando el alba.
Los bueyes mueren vestidos
de humildad y olor de cuadra,
las águilas, los leones
y los toros de arrogancia,
y detrás de ellos, el cielo
ni se enturbia ni se acaba.
La agonía de los bueyes
tiene pequeña la cara,
la del animal varón
toda la creación agranda.

Si me muero, que me muera
con la cabeza muy alta.
Muerto y veinte veces muerto,
la boca contra la grama,
tendré apretados los dientes
y decidida la barba.

Cantando espero a la muerte,
que hay ruiseñores que cantan
encima de los fusiles
y en medio de las batallas.

когда рассветает небо.
Ложатся вола под обух,
одетые в запах хлеба,
но львы умирают стоя,
в кровавом наряде гнева.
И жалкая смерть воловья
ни для кого не потеря,
но дарит миру величье
кончина гордого зверя.
Так пусть же, голову вскинув,
приму я удар кровавый
и, мертвый и трижды мертвый,
лицом к раскаленной лаве
застыну, сжимая зубы,
впиваясь губами в гравий!
Я песнею смерть встречаю,
как тот соловей весенний,
который в кольце винтовок
поет на полях сражений!

(1962)

А. Гелеску

**ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ
В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ
1792—1976**

ИБ № 2187

Редактор *Р. Т. Кабина*

Художник *В. В. Ерёмин*

Художественный редактор

Я. А. Маликов

Технические редакторы

Т. К. Кунцова, Г. В. Лазарева

Корректоры *Т. В. Чулунова,*

Т. М. Корочкина